

Литература

1. Финно-угорские языки. Языки мира // Уральские языки. М., 1993.
2. Kulonen U.-M. The passive in Ob-Ugrian. Suomalais – Ugrilaisen Seuran Toimituksia. 206. Helsinki, 1989.
3. Терешкин Н.И. Очерки диалектов хантыйского языка. Ч. 1. Ваховский диалект. М., Л., 1961.
4. Steinitz W. Ostjakologische Arbeiten, Band 9, Beiträge zur Sprach-Wissenschaft und Ethnographie. Akademia Kiado. Budapest, 1980.
5. Николаева И.А. Обдорский диалект хантыйского языка // Mitteilungen der Societas Uralo-Altaica, Heft 15. М.; Гамбург, 1995.
6. Киекбаев Дж. Г. Введение в урало-алтайское языкознание. Уфа, 1972.
7. Животиков П.К. Очерк грамматики хантыйского языка (средне-обский диалект). Под ред. Ю.Н. Русской. Ханты-Мансийск, 1942.
8. Основы финно-угорского языкознания (марийский, пермские и угорские языки). М., 1976.
9. Ядобчева В.Я. Склонение и спряжение в обдорском диалекте хантыйского языка: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2004.
10. Терешкин Н.И. Словарь восточно-хантыйских диалектов / АН СССР, Ин-т языкознания. Л., 1981.
11. Баландин А.Н. Падежи субъекта и объекта на службе номинативной и эргативной конструкций глагольного предложения в ваховском диалекте хантыйского языка. Учен. записки Ленингр. университета. 1947. Т. 105. Сер. востоковед. наук. Вып. 2. Советское финно-угроведение.
12. Лыскова Н.А. Семантика падежа в обско-угорских языках. СПб., 2003.
13. Collinder B. Comparative Grammar of the Uralic languages. 1965.
14. Основы финно-угорского языкознания (Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). М., 1974.
15. Терещенко Н.М. Ненецко-русский словарь (с приложением краткого грамматического очерка ненецкого языка). М., Л., 1965.

Принятые сокращения

вах. – ваховский диалект, тр.-юг. – тром-юганский говор сургутского диалекта, казымск. – казымский диалект, у.-п. – усть-полуйский говор обдорского диалекта, у.-с. – усть-собский говор обдорского диалекта.

Е.А. Крюкова

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ КЛАССА СЛОВ-ОПРЕДЕЛИТЕЛЕЙ В ЕНИСЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ

Томский государственный педагогический университет

Класс слов-определителей в енисейских языках выделяется на основании общих функциональных и морфологических признаков. основополагающим принципом объединения слов-определителей (далее также – СО) в один класс в кетском, югском и коттском языках является функция атрибута в широком понимании, характеризующая как сам процесс, так и участников ситуации. Следовательно, функциональная характеристика отличает СО, с одной стороны, от имен, основной функцией для которых является функция актанта, и глагола, с другой стороны, ведущей функцией которого является функция предиката. В атрибутивной функции СО в енисейских языках характеризуются морфологической неизменяемостью, которая является яркой отличительной чертой СО в атрибутивной функции. Ряд слов-определителей способен, наряду с атрибутивной функцией, выполнять функцию предиката, которая в отличие от ведущей (атрибутив-

ной) функции маркируется специальными суффиксами, указывающими класс/род, лицо и число определяемого слова. В зависимости от выполняемой функции позиция слов-определителей строго фиксирована: в атрибутивной конструкции СО выступают в препозиции к определяемому слову, а в предикативной конструкции слова-определители стоят после слова, которое они определяют (подробно о принципах выделения класса СО см. [1]).

В данной статье описание класса СО в кетском, югском и коттском языках проводится с использованием концепции функционально-семантического поля, которая помогает преодолеть трудности описания этого большого смешанного класса, объединяющего в себе как приименные, так и приглагольные определители, и позволяет системно представить как семантические группы, так и разноуровневые языковые средства (морфологические, синтаксические, словообразовательные).

Принятие тезиса о полевой структуре частей речи затрагивает проблемы внешних (межчастеречных) и внутренних (межразрядных) границ, т.е. во внимание принимаются как взаимодействие членов разных классов (частей речи), так и отношения между членами внутри одного класса. Использование положений теории поля позволяет рассматривать совокупность слов одной части речи как структуру с ядром и периферией и допускает плавный переход слов в пределах одной лексико-грамматической категории от ядра к ближней периферии, от ближней периферии к дальней периферии, от периферии одной части речи к периферии другой [2, с. 97].

В разрабатываемой А.В. Бондарко модели грамматики предметом анализа являются функционально-семантические поля (далее – ФСП). При построении ФСП важнейшее значение имеет принцип онтологизма, т.к. основой для исследования являются семантические категории, которые являются базовыми понятиями, отражающими объективную действительность в сознании людей. Это, например, аспектуальность, темпоральность, временная локализованность, модальность, бытийность, локативность и т.д. Семантические категории в каждом конкретном языке всегда находят свои способы выражения, это, например, лексико-грамматические разряды слов, различные типы синтаксических конструкций, лексические средства, сложные комбинации средств разных типов. Таким образом, в концепции А.В. Бондарко «семантические категории с системой разноразрядных средств, служащих для выражения разновидностей и вариантов данной категории в данном языке, – это и есть функционально-семантические поля» [3, с. 31–33; 4, с. 3, 10].

Понятие ФСП в концепции А.В. Бондарко связано с представлением о пространстве, в котором условно устанавливаются конфигурации центральных и периферийных компонентов поля, где в свою очередь выделяются зоны пересечения с другими полями. По структуре ядра ФСП подразделяются на моноцентрические и полицентрические. ФСП моноцентрического типа характеризуются наличием одного целостного или гетерогенного ядра, в то время как ФСП полицентрического типа отличаются разбиением на несколько сфер, каждая из которых имеет свой центр и периферийные компоненты. В своих последних работах ученый выделяет ядро ФСП по принципу, являются ли средства выражения данной семантической категории прототипическими (тогда они относятся к центру) или непрототипическими (тогда они располагаются на периферии) [5, с. 97, 101; 4, с. 11, 34–35, 52, 155; 6, с. 18–22].

Таким образом, основными критериями при построении ФСП в концепции А.В. Бондарко явля-

ются семантическое значение, соотносимое с объективной действительностью, и языковые формы, служащие для его выражения.

Принципиально другой подход к построению поля при классификации частей речи наблюдается в работах В.Я. Плоткина, который основными критериями для его структуры выдвигает морфологическую форму и синтаксическую функцию [2, с. 97, 150–155].

Концепция функционально-семантического поля в нашей работе используется для систематического описания класса СО и строится при опоре на структурные характеристики ФСП, разработанные А.В. Бондарко. Функционально-семантическое поле понимается нами как неоднородная и сложная структура моноцентрического типа, оно имеет свое ядро, окруженное ближней и дальней периферией, которая пересекается с другими ФСП, что обуславливает наличие членов класса с признаками членов другого поля. Однако функция при построении поля понимается нами только в отношении употребления слов в предложении, т.е. как синтаксическая функция.

В выборе основных параметров, по которым СО распределяются по полю, мы опираемся на функционально-морфологические характеристики выделяемых нами внутри класса слов-определителей трех семантических групп: темпоративов (СО с временным значением), локативов (СО с пространственным значением) и квалитативов (СО с качественным значением).

К ядру поля относятся СО, способные выполнять одну и только одну синтаксическую функцию атрибута в широком смысле, т.к. именно атрибутивная функция является основополагающей для выделенного нами класса слов. Исходя из того, что атрибутивная функция в рассматриваемых енисейских языках не маркируется, то морфологическая неизменяемость слова является вторым критерием отнесения того или иного слова к ядру ФСП класса слов-определителей. Таким образом, в ядро входят типичные представители класса СО: это неизменяемые слова, выступающие в качестве приименных и прилагольных атрибутов.

Функциональный анализ нашего языкового материала показал, что данным критериям в енисейских языках соответствуют СО, выражающие значение времени. Именно для темпоративов единственно возможной синтаксической функцией в речевом высказывании является функция атрибута, которая в настоящем исследовании понимается в широком смысле: как определитель актантов и как определитель предиката. Сравним кетские примеры (1–3):

(1) кет. *ēn' qonoks' – aqta qonoks'*. **Теперь** утро – хорошее утро. **Нынешнее** утро – хорошее утро.

(2) пак. **ēn**'us'ka diksoyon. **Теперь** домой придем [7, с. 26].

Как показывают приведенные примеры, СО кет. **ēn** 'теперь' может выступать как в качестве приименного (1), так и в качестве прилагольного (2) атрибута. Сочетание **ēn**' qonoks' из примера (1) вполне может интерпретироваться как 'сегодня утром' и выступать определителем при предикате, что служит еще одним доказательством единства класса прилагольных и приименных атрибутов в енисейских языках.

В югском языке темпоративы также могут выступать и как атрибуты актантов (3), и как атрибуты предикатов (4):

(3) юг. **oŋtir** šñ bīk daxin əbiratij. **Следующий** год другой трава вырастет. В **следующем** году другая трава вырастет [8, с. 243].

(4) юг. **ēn** bīt xome' iŋiŋ-esaŋ. **Теперь** гагара грешный есть. **Теперь** гагару грешно есть [8, с. 242].

Темпоративы в кетском и югском языках, и по всей вероятности в коттском языке, не способны употребляться в предикативной функции, как показали проведенный анализ текстов и опрос информантов, пример (5) не возможен в речевом высказывании.

(5)* кет./ юг. **āt ēn**'. Я **сейчас**.

Таким образом, ядро ФСП составляют следующие СО с временным значением:

кет.: **a't** 'скоро', **qonoks**' 'утром', **a'nat** 'тогда', **be'k** 'всегда', **bīs** 'вечером', **ēn**' 'теперь', **enqoŋ** 'сегодня', **iŋ**' 'долго', **inat** 'давно', **kīm** 'тогда', **kāt** 'зимой', **omba** 'сейчас', **onna** 'только что', **qaja**, **qar'a**, **qada** 'потом', **qām** 'скоро' и др.;

юг.: **anes** 'утром', **a't** 'скоро', **bīs** 'вечером', **kupkej** 'сначала', **ēn** 'теперь, сейчас', **ennoŋ** 'сегодня', **i'n** 'долго', **inat** 'раньше, давно', **kisɔŋ** 'вчера', **kāt** 'зимой', **xa't'kej** 'потом', **sīn** 'раз', **luaj** 'раньше' и др.;

котт.: **etpaŋ** 'скоро', **mo:n etpaŋ** 'редко', **fejaŋ/ p'eaŋa** 'сначала', **i'uman** 'завтра', **hel'em hel'em** 'иногда', **unša** 'всегда', 'часто', **eaŋa** 'сейчас', **eaŋaok** 'тотчас', **inag** 'сегодня', **ha:pag** 'долго', **heš** 'недавно' и др.

Слова-определители, которые кроме основной функции атрибута способны выполнять синтаксическую функцию предиката и таким образом принимать предикативные аффиксы, распределяются по *ближней* и по *дальней* периферии.

Все СО, которые мы относим к *ближней периферии*, так же как и слова, образующие ядро, выполняют функцию атрибута, которая выражается морфологически неизменяемыми словами. Лишь небольшая группа слов может проявлять отклонения по отношению к категориальным признакам (атрибутивной функции и морфологической неизменяемости), вы-

ступая в другой функции и приобретая способность образовывать словоизменительные парадигмы. Таким образом, к ближней периферии относится группа слов, большая часть которых обладает типичными свойствами СО, и только некоторые слова из этой группы могут выполнять предикативную функцию, которая маркируется специальными аффиксами.

Данным критериям, как показал анализ языкового материала, соответствуют СО, выражающие локальное значение в енисейских языках. Основной функцией для них является функция атрибута в широком смысле, так как все слова этой группы способны выражать как приименные характеристики участников ситуации, так и прилагольные характеристики процесса. Рассмотрим примеры из кетского языка (6, 7):

(6) кел. **bēn**' **ki's'eŋ** qīm, **āt bur**' qoŋ **bēn**' itperem. Не **здешний** женщина я ее внешность не знаю. **Нездешняя** женщина, я ее не знаю в лицо.

(7) ел. **bū ki's'eŋ** duɣaraq. Он **здесь** живет. Он **здесь** живет.

Кетское СО с локативным значением *ki's'eŋ* может выступать как атрибут актанта (6), так и атрибут предиката (7).

В югском языке СО с пространственным значением тоже могут употребляться как приименные (8) или прилагольные (9) определители:

(8) юг. **xoŋkej** atou desagabdaɣ. **Передний** угол я-его брошу. В **передний** угол чума брошу я его [8, с. 259].

(9) юг. buda **ām xaŋ** daseste. Его мать **дома** сидит [8, с. 259].

Однако в отличие от слов с темпоральной семантикой некоторые локативы в кетском, югском и коттском языках способны употребляться как в основной атрибутивной функции (6–9), так и в предикативной функции (10–12).

(10) кет. **kiseŋ**=di. **Здесь**=прд.афф.1л.ед.ч. Я **здесь**.

(11) юг. da=xem=in **xaŋ**=eŋ. прт.афф.=жена=мн.ч. **дома**=прд.афф. Его жены – **дома**. [8, с. 279].

(12) котт. **hušareŋ**=t=aŋ. **дома**=соед.согл.=прд.афф.1л.ед.ч. Я **дома**. [9, с. 327].

В предикативной функции СО, в данном случае локативы, оформляются предикативными аффиксами, указывающими на лицо и число (а в третьем лице единственного числа – и класс) определяемого слова (10–12).

Как видно из приведенных материалов, некоторые локативы, как, например, СО кет. *kiseŋ* 'здесь', способны выступать в функции приименного (6) и прилагольного (7) атрибута, и в функции предиката (10).

Приведем примеры некоторых слов-определителей с пространственным значением, которые формируют ближнюю периферию ФСП:

кет.: *tiga* 'вниз по течению', *utl* 'вверху по течению', *qo'te* 'вперед', *hita* 'вниз', *to'j* 'наверху', *əl'a* 'наружу', *kin'il* 'отсюда', *kin'iŋa* 'сюда', *tūl* 'оттуда', *tūn* 'здесь', *tuniŋa* 'туда', *qanil* 'оттуда', *qaniŋa* 'туда' и др.

юг.: *tīr* 'внизу по течению', *utej* 'вверх по течению', *huti* 'вперед', *χotkej/χotej* 'вперед', *fīl* 'внизу', *čo'j* 'наверху', *lrej* 'наружу', *kə'* 'на той стороне', *kinε^h:s* 'здесь', *kin'ə:r* 'отсюда', *tunε^h:s* 'тут', *kan* 'там', *a^h:r* 'в лесу' и др.

котт.: *bili bili* 'где-нибудь/везде', *pi:lan* 'дальше', *t^hi'gā* 'вниз по течению', *ujal* 'в верховье реки', *ha:nal* 'внизу', *i:tal* 'внизу', *ečal* 'наверху', *hiliga* 'наружу', *inčan* 'отсюда', *unčan* 'оттуда', *utiga* 'сюда', *šu:ka* 'назад' и др.

К дальней периферии мы относим группу СО, выражающих значение качественного признака, на том основании, что большая часть слов данной группы демонстрирует отклонения от категориальных признаков, т.е. они могут употребляться как в атрибутивной, так и предикативной функциях.

В отличие от локативов, для которых атрибутивная функция является превалирующей, и лишь несколько слов данной группы могут употребляться в предикативной функции, значительная часть слов с качественной семантикой способна выступать равнозначно как в атрибутивной функции в широком смысле, так и в функции предиката. Сравним примеры употребления кетского СО с качественной семантикой (13–15):

(13) кет. *bū bīt ke't*. Он **крепкий** человек.

(14) мад. *āt bīt us'egin*. Я **крепко** уснул.

(15) сур. *ki's'eŋ tude bīt=am*. Здесь это **жестко**=прд. афф.3.л.неодуш. Здесь **жестко**.

Как показывают примеры, СО *bīt* может выполнять как функцию приименного (13) и прилагольного (14) атрибута, а так и функцию предиката (15).

Предикативные конструкции с качественными СО довольно широко распространены в енисейских языках, об этом свидетельствуют языковые материалы недавно исчезнувшего югского языка, а также давно исчезнувшего коттского языка. Приведем примеры:

(16) юг. *fen'n'a=da'*, *χog=da'*, *da^h:rdaχ*. **Маленький**=прд.афф. один=прд.афф. она-жила. 3 л. ед. ч. ж. р. 3 л. ед. ч. ж. р. Она жила, была **маленькой** и одинокой. [8, с. 243].

(17) котт. *aško=taŋ*. **Виноватый**=прд.афф.1.л.ед.ч. Я **виноватый** [9, с. 89].

Примеры показывают, что югское СО *fen'n'a* 'маленький' (16) и коттское СО *aško* 'виноватый' (17), выступая в предикативной функции, получают obligatory грамматические суффиксы, указывающие род/класс, число и лицо определяемого слова.

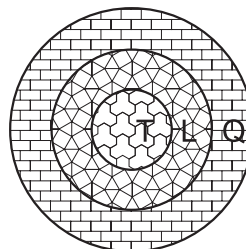
К дальней периферии ФСП относятся следующие качественные СО:

кет.: *hīs* '(a) 'кривой/криво', *aliŋ* 'быстрый/сильно', *arun/adeŋ* 'сильный/сильно', *aqta* 'хороший/хорошо', *qā* 'большой/очень', *hən'a* 'маленький/немного', *alo*, *aloto* 'просторный/просторно', *anuntu* 'умный/умно' и др.;

юг.: *ε^h:t* 'спокойный', *ʃ:n* 'много', *χeil* 'широкий', *χegit* 'дорогой', *χomat* 'мало', *χūk* 'тихая', *s'ə'ə* 'тяжелый', *lχčouŋ* 'грязный', *tč'git* 'дешевый', *tən'čl* 'голый', *sigbulij* 'на четвереньках', *əχpes* 'вдруг' и др.;

котт.: *fača* 'большой', *kišla* 'маленький', *pučar* 'толстый', *hīgal* 'широкий', *t^hūki* 'короткий', *ui* 'длинный', *hāš* 'мелкий', *hama* 'хороший', *šam* 'плохой', *koaš* 'красивый', *čal* 'холодный', *p^hal* 'теплый', *t^hui* 'легкий' и др.

Функционально-семантическое поле класса СО может быть представлено в виде рисунка (см. рисунок).

□ – ядро, ▨ – ближняя периферия, ▩ – дальняя периферия

Структура ФСП класса слов-определителей в енисейских языках.

Т – темпоративы, слова с временным значением, L – локативы, слова с пространственным значением, Q – квалитативы, слова с качественным значением

Подробное описание состава ФСП, функциональных и словообразовательных характеристик единиц, составляющих ядро, ближнюю и дальнюю периферию в кетском, югском и коттском языках, является предметом дальнейшего исследования.

Литература

1. Гришина Н.М., Крюкова Е.А. Новый подход к проблеме классификации частей речи в кетском языке: класс слов-определителей // Сравнительно-исторические и типологические исследования языка и культуры: проблемы и перспективы. Томск, 2004.
2. Плоткин В.Я. Строй английского языка. М., 1989.
3. Бондарко А.В. Семантические категории в аспекте сопоставительных исследований // Сопоставительная лингвистика и обучение неродному языку / Отв. ред. В.Н. Ярцева. М., 1987.
4. Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 2003.
5. Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Поссесивность. Обусловленность. СПб., 1996.
6. Проблемы функциональной грамматики. Семантическая инвариативность/вариативность / Отв. ред. Бондарко А.В., Шубик С.А. СПб., 2003.
7. Кетские фольклорные и бытовые тексты. Томск, 2001.
8. Werner H. Das Jugische (Sym-Ketische). (Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica 50) Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1997.
9. Werner H. Vergleichendes Wörterbuch der Jenissej-Sprachen. Band 1. Wiesbaden, 2002.

Л.В. Парнюк

СУТОЧНЫЙ И ГОДОВОЙ ЦИКЛЫ В ХАНТЫЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Томский государственный педагогический университет

У человека нет специального органа для восприятия времени, но невозможно представить себе жизнь человека, протекающую вне времени. Время не зависит от человека, а человек неотделим от времени.

Этнологи, культурологи и философы много писали о различии моделей времени в разных культурах: о концепциях «циклического», «линейного», «кругообразного», «замкнутого» времени, о возможном отсутствии летоисчисления и т.п.

В сознании человека доминируют два представления о времени – время как последовательность повторяющихся однотипных событий, «жизненных кругов» (циклическое) и время как однонаправленное поступательное движение (линейное). Эти представления могут противопоставляться как «наивное» и «естественнонаучное». Б.А. Успенский отмечает, что циклическое время соответствует космологическому сознанию, а линейное – историческому: «Космологическое сознание предполагает, что в процессе времени повторяется один и тот же онтологически заданный текст... Между тем историческое сознание в принципе предполагает линейное и необратимое ...время» [1, с. 73]. Чувство времени связано с восприятием природных циклов, а психические структуры связали себя с линейным временем.

Хотя ток времени имеет направленность и предполагает однократное и окончательное уничтожение истории, это уничтожение мыслится возвращением в вечность, так что отдаленно идея циклической присутствует и здесь [2, с. 621].

Циклизация времени далеко не случайна. Время эмпирически не наблюдаемо, сознание человека

при его фиксации и членении опирается на смену дня и ночи или любой другой циклический процесс.

Цикличность в примитивном обществе рассматривается как такое представление о времени, которое организует жизнь коллектива посредством ритуалов. Жизнь первобытного общества, как и более развитого – земледельческого, определяется природными и биологическими циклами, регулярными повторениями биокосмических ритмов, отраженными в обрядовой практике. Соответственно этому и время членится на замкнутые циклы [2, с. 620–621].

Циклический характер, регулярность кругового движения небесных светил по «небесной сфере», повторяющегося вновь и вновь и неподвластного каким-либо видимым изменениям, послужили естественным основанием для выбора солнечного или лунного цикла в качестве меры измерения бытия, тем более что и жизненный цикл человека и живой природы вообще тесно связан с фазами этого цикла (смена дня и ночи, времен года).

Солнце и Луна помогали человеку ориентироваться во времени по-разному. Если годичный период Солнца наглядно проявляется в смене сезонов, то динамика чередования лунных фаз чаще заметна и вследствие краткости цикла более практична. Хотя лунный месяц не выразить точно целым числом суток, год – целым числом месяцев или суток, история не знает народов, не умеющих определять время с помощью Солнца или Луны [3, с. 10].

Именно с движением Луны сопряжены самые древние календарные единицы, а первобытная ми-